

Павел Лимонов

A movie poster featuring a woman in a beige trench coat and patterned scarf, holding a black suitcase, standing on a train platform. A man in a dark jacket stands in the background near a body of water under a dramatic sky. The title is at the bottom.

После развода.
Билет обратно
не нужен

Павел Лимонов

После развода. Билет обратно не нужен

<https://litres.ru/74250303>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж потратил 348 тысяч рублей на путешествие с любовницей. Только для конспирации вписал в бронь мои паспортные данные. Он был уверен, что после двадцати двух лет брака я снова промолчу.

Вместо этого я заняла свое место в туристической группе и уехала на Русский Север одна. Там меня ждали сорванный маршрут, семейная компания на грани продажи и Михаил Руднев — мужчина, который умеет отвечать за безопасность других, но все еще решает за близких.

Я не собиралась спасать его бизнес, искать новую любовь или доказывать бывшему, чего стою. Мне нужно было вернуть собственную жизнь. Но чем дальше дорога уводила меня от прежнего дома, тем яснее становилось: иногда обратный билет нужен лишь затем, чтобы самой выбрать, куда возвращаться.

История о разводе после сорока пяти, уважении, цене женского труда и любви, в которой не приходится быть удобной.

Содержание

ГЛАВА 1. Путевка на мое имя	4
ГЛАВА 2. Отпуск без разрешения	19
ГЛАВА 3. Руководитель группы	33
ГЛАВА 4. Первый день без плана мужа	47
ГЛАВА 5. Машина, которой нет	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Павел Лимонов

После развода. Билет обратно не нужен

ГЛАВА 1. Путевка на мое имя

В среду, девятнадцатого июня, я обнаружила, что мой муж потратил триста сорок восемь тысяч рублей на отпуск, в который собирался поехать без меня.

Сумму я увидела в банковской выписке между оплатой годовой страховки квартиры и покупкой в магазине у дома. По средам я обычно сверяла семейные расходы. Привычка осталась с тех лет, когда каждые пять тысяч приходилось учитывать до зарплаты, хотя теперь ни я, ни Антон не нуждались в таком контроле. Я называла это порядком. Антон иногда называл моей профессиональной деформацией, но доступ к дополнительной карте использовал охотно.

В назначении платежа стояло ООО «Северный ход». Операция прошла четыре дня назад с карты, заканчивавшейся цифрами 6142. Карта принадлежала Антону, счет был открыт на мое имя в банке, куда приходила моя зарплата.

Я сначала решила, что он оплатил нам поездку к годовщине. Через месяц исполнялось двадцать два года со дня сва-

дбы, и весной мы говорили об отпуске. Вернее, говорила я. Антон отвечал, что в июле у него отчетный квартал и планировать раньше конца августа бессмысленно.

Триста сорок восемь тысяч не выглядели импульсивной покупкой на выходные. Я открыла наш общий почтовый ящик, который мы когда-то завели для коммунальных счетов, страховок и семейных бронирований. В папке с удаленными письмами лежали два сообщения от «Северного хода».

Антон удалил их, но не очистил корзину.

Первое подтверждало оплату длинного маршрута по Русскому Северу с отправлением двадцать второго июня. В списке участников значились Антон Сергеевич Корнеев и Елена Викторовна Корнеева. Паспортные данные, телефон и дата рождения были моими. Для связи Антон указал собственный номер, но электронную почту оставил общую.

Я перечитала даты. Двадцать второго июня начинался мой отпуск, согласованный еще в апреле. Антон знал об этом. Сам он собирался в командировку в Екатеринбург и просил не ждать его до конца недели.

Во втором письме менеджер уточняла, успеет ли заказчик до семнадцатого июня сообщить данные второго участника, если потребуется замена. Ниже сохранился его ответ:

«Да, подтвердим. Пока оставьте данные супруги, как договаривались. И пожалуйста, вложите в приветственный конверт записку: “Кира, наша первая поездка без оглядки. А.”»

Я не сразу поняла, почему экран стал расплываться. Толь-

ко когда протерла его салфеткой, заметила воду на пальцах.

Вокруг продолжался обычный рабочий день. За стеклянной перегородкой двое координаторов спорили о времени разгрузки в Твери. Принтер выдавал маркировочные листы для ящиков с графикой. В половине третьего мне предстояло согласовать резервную машину на случай, если основной перевозчик не получит пропуск в музейный двор. Вещи имели вес, транспорт — вместимость, договоры — сроки. С ними можно было работать.

Я скачала оба письма, договор, чек и банковскую выписку в отдельную папку. Затем переслала копии на рабочий адрес, которым Антон не пользовался. Это заняло четыре минуты.

После этого я пошла в туалет, закрылась в кабинке и просидела там почти десять минут, держа ладони на коленях. Плакать дальше не получилось. Меня тошнило от мысли, что Антон взял мои паспортные данные и мой отпуск, чтобы организовать удобный подарок другой женщине. Даже измена пока не помещалась в голове целиком. Зато способ оформления был мне понятен до последней строки: временный участник, разрешенная договором замена, ранняя цена, документы позже.

Он не ошибся. Он составил план.

Я умылась холодной водой и вернулась за стол.

— Елена Викторовна, вы смотрели предложение по Твери? — спросила Лида, заглянув в дверь.

— Сейчас посмотрю. Перевозчик подтвердил высоту ку-

зова?

— Да, прислал техпаспорт.

— Тогда оставь у меня.

Она положила распечатку на край стола и задержалась.

— У вас все нормально?

Обычно на этот вопрос я отвечала автоматически. Нормально означало, что я не собираюсь делиться подробностями, а собеседник может не менять собственный день.

— Нет, — сказала я. — Но к погрузке это отношения не имеет.

Лида кивнула без лишнего сочувствия.

— Если нужно, встречу машину сама.

— Нужно. Спасибо.

Я впервые за долгое время отдала задачу, которую могла выполнить сама.

До конца дня я проверила предложение, согласовала пропуск и перенесла пятничное совещание на заместителя. В пять сорок позвонила Алле Мельник, семейному юристу, с которой когда-то познакомилась на выставке. Три года назад она помогала нашему подрядчику делить бизнес после развода. Мы не дружили, и сейчас это было преимуществом.

— Алла Андреевна, добрый вечер. Это Елена Корнеева, «ЭкспоЛиния».

— Помню вас. Что случилось?

Я назвала только факты: двадцать два года брака, общая квартира без ипотеки, общих несовершеннолетних де-

тей нет, платеж с семейного счета, предположительно другая женщина.

— Вы уже говорили с мужем?

— Нет. Он вернется около восьми.

— Не переводите общие деньги, не подписывайте ничего и сохраните выписки. Паспорт и документы на квартиру у вас?

Я подумала о металлическом ящике в кабинете Антона.

— Копии есть. Оригиналы дома.

— Заберите свои личные документы. Если хотите, завтра в десять у меня есть окно.

— Хочу.

Она прислала адрес и список того, что следовало принести. Ни обещания победить, ни совета немедленно менять замки. Я была ей за это благодарна.

До ухода из офиса я позвонила в банк. Сотрудник подтвердил, что карта с цифрами 6142 выпущена как дополнительная к моему счету, но пользовался ею Антон на законном основании: заявление на выпуск я подписала сама шесть лет назад. Тогда он часто оплачивал ремонт, а у меня не было времени подтверждать каждую доставку. Я могла заблокировать карту в приложении немедленно.

— Операция уже проведена, — предупредил сотрудник.

— Блокировка не отменит платеж. Если вы считаете его несанкционированным, можно подать заявление на оспаривание.

— Карта была у держателя, код ему известен, — сказала я. — Это не банковское мошенничество.

Произнести эти слова оказалось неприятно, но точность не зависела от моего отношения к Антону. Он не украл карту. Он использовал доверенный ему доступ для покупки, которую скрыл от меня.

Я попросила подготовить расширенную выписку с номером карты и пока не стала блокировать ее. Алла советовала сначала сохранить документы. Кроме того, Антон еще не знал, что я обнаружила платеж. До разговора оставалось два часа, и мне хотелось услышать его версию до того, как банковское уведомление подскажет удобное объяснение.

В журнале операций нашлись еще три расхода за последние месяцы, которые раньше не привлекли моего внимания: ресторан в центре в вечер его «совещания», загородная гостиница в феврале и ювелирный магазин перед восьмым марта. Последний чек мог относиться к моим серьгам, первые два ничего не доказывали. Я сохранила выписку целиком и не стала составлять обвинение из каждой суммы. Для решения о браке мне уже хватало письма.

Перед тем как выключить компьютер, я написала на листе четыре даты: покупка тура, крайний срок замены участника, начало отпуска, день возвращения. Ниже добавила: документы, счет, жилье, работа. Это был привычный способ не забыть важное, когда срочное пыталось занять все внимание.

В списке не было Киры. Разбираться с женщиной, которой

Антон обещал поездку, я не собиралась. Договор со мной нарушил он.

Домой я приехала раньше Антона. Квартира выглядела как всегда: его кроссовки стояли на коврике, на кухне сохла чашка после утреннего кофе, на спинке стула висел пиджак, который он собирался отнести в химчистку. Ничего из этого не объясняло, как семь дней до нашей годовщины он выбирал маршрут для Киры.

Я нашла в шкафу оригиналы документов, свидетельство о браке, договор покупки квартиры и последние справки по счетам. Свои бумаги сложила в рабочую сумку. Общие оставила на месте, предварительно сделав фотографии каждой страницы.

В восемь двенадцать повернулся ключ.

— Лен, ты дома? — Антон прошел на кухню, ослабляя узел галстука. — Я думал, у тебя сегодня поздняя приемка.

— Ее проведет Лида.

Он открыл холодильник.

— Есть что-нибудь быстрое? У меня завтра ранний вылет.

— В Екатеринбург?

— Да. Я же говорил.

— Рейс покажешь?

Антон медленно закрыл дверцу. За двадцать два года я научилась различать его паузы. Эта была нужна не для воспоминания, а для выбора ответа.

— К чему допрос?

Я положила на стол распечатку брони.

Он посмотрел на верхнюю строку, потом на меня. Не взял лист и не спросил, откуда он у меня.

— Понятно.

— Мне пока нет. Объясни.

Антон снял часы и положил рядом с ключами. Так он делал перед трудным разговором, будто заранее освобождал руки для более важной работы.

— Я собирался сказать после поездки.

— После какой именно? Твоей командировки или отпуска с Кирой?

— Не начинай.

— Я еще ничего не начала. Я задала два вопроса.

Он сел напротив.

— Командировки нет. Мы с Кирой планировали поездку. Все получилось глупо с бронью, потому что ранний тариф требовал данные второго участника. Я не мог сразу указать ее.

— Почему?

— Потому что она еще не оформила отпуск.

— В письме менеджеру ты написал другое.

Антон наконец взял распечатку. Дойдя до записки для Кире, он положил лист обратно.

— Ты полезла в мою переписку.

— Платеж прошел с моего счета. Подтверждение пришло на нашу общую почту. Ты использовал мои паспортные дан-

ные. Выбирай претензию, которую сможешь повторить юристу.

Он отвел взгляд к окну.

— Не нужно сразу тащить сюда юристов. Мы можем решить все спокойно.

— Что именно?

— Наш брак давно существует только формально.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять: он говорит об этом как о факте, известном нам обоим.

— Когда ты собирался сообщить мне, что я живу в формальном браке?

— Лен, мы почти не видимся. Ты постоянно на работе. Я тоже. У нас нет общих планов, кроме ремонта и отпусков, которые все равно срываются.

— Этот отпуск не сорвался.

— Я не хочу обсуждать Киру в таком тоне.

— Я не обсуждаю Киру. Я обсуждаю тебя.

Он встал, налил воды и выпил половину стакана.

— Семь месяцев, — сказал он. — Если тебе обязательно знать срок.

Семь месяцев назад мы встречали Новый год у его сестры. Я заказала ему обследование, потому что он жаловался на спину, и дважды переносила собственную командировку, чтобы быть дома после процедуры. В феврале он подарил мне серьги, которые выбирала его помощница. В апреле подтвердил мой отпуск и сказал, что постарается освободить ав-

густ.

— Ты семь месяцев возвращался сюда каждый вечер.

— Не каждый.

— Спасибо за точность.

Он поморщился.

— Я не хотел делать тебе больно.

— Поэтому решил сказать после отпуска?

— Я хотел сначала понять, что у нас с Кирой серьезно.

— А пока проверял, можно ли сохранить дома прежнее обслуживание.

— Вот поэтому я и не говорил. Ты любую человеческую ситуацию превращаешь в ведомость.

Я посмотрела на человека, который оплатил любовнице тур моей дополнительной картой, внес в бронь мои данные и теперь обвинял меня в избыточной точности.

— В ведомости хотя бы видно, кто за что отвечает.

Антон провел ладонью по волосам.

— Хорошо. Я виноват. Это то, что ты хочешь услышать?

— Нет. Я хочу услышать, что ты собирался делать дальше.

— Вернуться, поговорить и разойтись без скандала. Квартира остается мне, я выплачиваю тебе компенсацию. У тебя хорошая работа, ты сможешь купить что-то свое. Все можно оформить достойно.

— Сумму компенсации ты тоже уже определил?

— Примерно.

— Тогда пришли предложение письменно.

Он поднял голову.

— Ты серьезно?

— Вполне.

— И что будет с поездкой?

— Пока не знаю.

— Я отменю ее. Это мой подарок.

— Оплаченный с семейного счета и оформленный на мое имя.

— Для Киры.

— Это ты сможешь объяснить туристической компании.

Антон подошел к столу, опираясь на спинку свободного стула.

— Не устраивай дорогой спектакль. Тебе не нужен этот тур. Ты терпеть не можешь групповые поездки.

— Я никогда в них не ездила.

— Именно.

— Мой отпуск начинается в понедельник. Маршрут оплачен. Возможно, мне как раз пора выяснить, что я терпеть не могу на самом деле.

Он усмехнулся, но улыбка быстро исчезла.

— Ты хочешь поехать вместо нее, чтобы отомстить?

— Я пока хочу, чтобы ты перестал распоряжаться моим именем.

Я забрала документы и рабочую сумку.

— Сегодня я буду спать в гостевой комнате. Завтра встречу с юристом. Все предложения по имуществу присылай

письменно.

— Мы еще не решили разводиться.

— Ты решил семь месяцев назад. Я просто получила уведомление с задержкой.

Антон не пошел за мной. Через закрытую дверь я слышала, как он говорил по телефону на кухне. Слов разобрать не удалось, но через десять минут на общей почте появилось новое письмо: заказчик запросил отмену тура полностью.

Я открыла сайт «Северного хода» и позвонила по номеру круглосуточной поддержки. Девушка представилась Дарьей и попросила номер договора.

— В заявке есть запрос на отмену от плательщика, — сказала она после проверки. — Но вы указаны самостоятельным участником и сегодня прошли электронное подтверждение личности. Вы подтверждаете отказ?

— Нет.

— Тогда мы не можем снять вас без отдельного заявления. После отмены второго участника изменится стоимость одноместного размещения. Расчет пришлем утром. Обратный сегмент тоже придется переоформить.

— Присылайте.

— Вы уверены, что сохраните участие? Маршрут начинается через три дня.

Я посмотрела на календарь. В понедельник мой отпуск уже начинался независимо от состояния брака. Чемодан стоял на верхней полке шкафа. На счете были деньги, которые

я заработала сама. В договоре было мое имя.

— Подтверждаю участие, — сказала я.

После разговора я сменила пароль общей почты, оставив Антону доступ к коммунальным счетам через пересылку, и скачала новое подтверждение.

Потом проверила папку загрузок. В ней лежали договор, две маршрутные квитанции, чек и первоначальная заявка. В строке «контакт заказчика» стоял Антон, в строке «туристы» — мы оба. Имя Киры не появлялось ни в одном официальном документе. Если бы я увидела только бумаги, то решила бы, что муж устроил нам дорогой отпуск и забыл предупредить.

Я сохранила письма в отдельную папку и переслала копии на личный адрес, к которому у Антона никогда не было доступа. Затем открыла выписку за восемь месяцев. Поездка оказалась самой большой тратой, но не единственной непонятной: три ресторанных счета в дни его командировок, два перевода за гостиницу, билеты до Казани, где Антон якобы участвовал в совещании по видеосвязи из московского офиса. Я не стала складывать цифры в доказательство измены. Семь месяцев он уже признал. Выписка требовалась для другого: чтобы ни один общий расход не исчез из будущего расчета только потому, что мне неприятно его видеть.

На кухне Антон закончил разговор и прошел в спальню. Мы не встретились. Двадцать два года брака позволяли двум людям не пересечься в трехкомнатной квартире, если оба

знали, где скрипит пол и в какой момент включается вода в ванной.

Я написала Алле Мельник, юристу, которая сопровождала договоры нашего отдела до перехода в частную практику. Сообщила только факты: намерение развестись, квартира, семейный счет, крупный платеж, встреча завтра. Алла ответила через семь минут и попросила ничего не подписывать, не переводить общие деньги и собрать документы на имущество.

Первым желанием было снять со счета все, что осталось. Я закрыла приложение, не сделав этого. Самостоятельность начиналась не с того, чтобы повторить поступок Антона быстрее него.

Путевка по-прежнему была оформлена на Елену Викторовну Корнееву.

Впервые за этот день мое имя обозначало мое решение.

Перед сном я открыла программу маршрута. В ней было столько переездов, что в обычной ситуации я закрыла бы файл после второй страницы и предложила выбрать одно место вместо семи. Но теперь меня интересовало другое: почти две недели моей жизни уже распределили между городами, гостиницами и чужими ожиданиями. Отменить их было бы проще всего.

Я поставила будильник на восемь и положила рядом список для Аллы.

Утром предстояло выяснить, что из общей жизни я могла

забрать по закону и сколько будет стоить мое место в поездке.

ГЛАВА 2. Отпуск без разрешения

Алла Мельник начала встречу не с вопроса об измене.

— Какая у вас цель на ближайшие трое суток?

Мы сидели в ее кабинете на Сретенке. До окна доходил шум улицы, но внутри было тихо: светлые стены, закрытые шкафы, стол без стопок чужих дел. Я пришла на двенадцать минут раньше и успела разложить документы по датам.

— Уехать в оплаченный отпуск и не дать Антону распорядиться моими деньгами, — ответила я.

— А в отношении брака?

— Подать на развод.

— Это две разные задачи. Имущество — третья. Если не смешивать их в один спор, у вас будет меньше шансов принять дорогое решение из-за обиды.

Она просмотрела банковскую выписку, договор на тур и переписку.

— Счет открыт на вас, дополнительная карта выдана супругу. Вы вправе ее заблокировать. Но общие деньги со счета никуда не переводите без необходимости. Какая сумма там сейчас?

— Миллион сто сорок тысяч. Из них четыреста восемьдесят — моя последняя премия и зарплата.

— Происхождение поступлений видно?

— Да.

— Хорошо. Оставьте все как есть, только ограничьте дополнительную карту. У мужа есть другие счета?

— Зарплатный и накопительный. Доступа у меня нет.

— Значит, без средств вы его не оставляете. Теперь поездка. Сам факт оплаты общими деньгами не делает услугу только вашей или только его. Но договор участника оформлен на вас, вы подтвердили личность, а правила компании допускают отдельную отмену. Заплатите со своего счета все, что потребуется для сохранения места, и храните документы.

— Антон уже требует вернуть половину стоимости.

— Пусть требует письменно. В разделе имущества расходы можно учесть при общем расчете, но я не обещаю, что суд станет разбирать каждую ночь в гостинице. Лучше решить это соглашением.

— Он хочет оставить себе квартиру.

— А вы?

Вчера мне казалось очевидным, что я должна бороться за нее. Мы выбирали район, спорили о кухне, десять лет выплачивали кредит, хотя последние четыре года ипотека уже была закрыта. В этой квартире хранились мои книги, зимняя одежда и сервиз матери. Но ночевать там после возвращения я не хотела.

— Я хочу получить честную половину, — сказала я. — Квартира может остаться ему, если компенсация позволит купить другую без кабального кредита.

— Тогда сначала оценка и источник выплаты. Не соглашайтесь на сумму, которую он придумал за ужином.

Алла записала названия нужных документов и сроки.

— Общих несовершеннолетних детей нет. Если оба согласны, брак можно расторгнуть через орган записи актов. Если он уклонится или откажется, обратимся в суд. Имущество разделим отдельно. Сегодня вам не нужна финальная схема на всю жизнь. Вам нужно сохранить документы и не подписывать его вариант.

Я закрыла папку.

— Вы всегда так спокойно это говорите?

— Нет. Я спокойно говорю то, что можно подтвердить. Все остальное клиенты обычно приносят сами.

На улице я заблокировала дополнительную карту Антона через приложение. Банк спросил причину. Я выбрала «по инициативе владельца счета». Через минуту пришло уведомление об отключении карты.

Антон позвонил сразу.

— Ты заблокировала мне карту?

— Дополнительную к моему счету. Твои карты работают.

— Я оплачиваю с нее семейные расходы.

— Больше нет.

— Ты понимаешь, насколько это мелко?

— Понимаю, насколько это быстро.

— Нам нужно поговорить.

— Присылай предложение по квартире. Остальное через

Аллу Мельник, ее контакты я отправила.

— Я не собираюсь платить юристу за разговор с собственной женой.

— Алле плачу я.

— Именно. Ты уже тратишь общие деньги на войну.

— Счет за консультацию оплачен с моего личного накопительного счета. Выписка сохранена.

Он помолчал.

— С тобой невозможно жить.

— Этот вопрос ты уже решил.

Я завершила звонок, не дожидаясь новой формулировки моей вины.

В офис я приехала к половине первого. Наталья Борисовна Игнатова, коммерческий директор «ЭкспоЛинии», ждала меня с графиком на июль.

— Тверь приняла резервную машину, — сообщила она. — Лида сказала, что ты передала ей приемку. Заболела?

— Нет. У меня семейные обстоятельства. Отпуск остается по графику. Возможно, после возвращения понадобятся несколько дней на оформление документов, но я предупрежу заранее.

Наталья Борисовна сняла очки.

— Насколько все серьезно?

— Развод.

Она не стала говорить, что все образуется. Вместо этого подвинула ко мне список текущих проектов.

— По Твери отвечает Лида. По Казани я возьму подписание сама. Телефон в отпуске выключаешь.

— Если будет аварийная ситуация с грузом...

— Позвонит Лида. Если Лида не справится, позвонит мне. Если не справлюсь я, тогда испортим тебе отпуск. В таком порядке.

— Принято.

— И не присылай таблицы в два часа ночи. Ты оставила нормальную передачу.

Эта фраза задела сильнее сочувствия. Я действительно могла уйти на две недели, и компания не должна была остановиться. Дома я устроила жизнь так, что любое мое отсутствие считалось причиной сбоя. На работе, где ответственность была прописана, оказалось иначе.

В два часа пришел расчет от «Северного хода». После отмены второго участника я должна была доплатить пятьдесят восемь тысяч рублей за одноместное размещение. Первоначальный обратный билет из Кеми был оформлен единым заказом Антона и подлежал возврату на счет плательщика. Компания предложила купить новый билет через их агента за двадцать четыре тысячи триста рублей или оформить самостоятельно.

Я позвонила Дарье.

— Если я перечислю доплату сегодня, мое участие окончательно отделят от заказа Антона?

— Мы сформируем дополнительное соглашение на ваше

имя и отдельный лицевой счет. Но предупрежу: банк плательщика может оспорить исходную операцию. В этом случае потребуются повторная оплата вашей части до выяснения.

— Какой размер моей части?

Она назвала сто семьдесят четыре тысячи рублей без учета нового билета.

— Пришлите порядок действий на электронную почту.

— Уже отправляю. Вы будете покупать билет через нас?

— Да. Мне нужен единый подтвержденный маршрут до Москвы.

Через полчаса я подписала дополнительное соглашение простой электронной подписью и перечислила восемьдесят две тысячи триста рублей. На личном накопительном счете осталось шестьсот тридцать семь тысяч семьсот. Я внесла расход в таблицу и закрыла файл.

На отдельный адрес пришли три документа: расчет одноместного размещения, маршрутная квитанция обратного билета и подтверждение, что отмена Антона больше не прекращает мой договор автоматически. Я проверила фамилию латиницей, номер паспорта, даты и станцию прибытия. В обратном маршруте была пересадка в Санкт-Петербурге продолжительностью час двадцать минут. Для обычного поезда этого хватало, однако после восьми дней дороги я предпочла бы больший резерв. Менять билет было поздно: соседние варианты требовали лишней ночи в городе.

Я написала Дарье один вопрос о том, кто отвечает за пересадку при задержке организованного трансфера. Она ответила, что железнодорожный участок оформлен единым заказом, а компания заранее контролирует прибытие группы на станцию. Ответ сохранила рядом с договором.

Только после этого я заметила, что делаю с собственным отпуском то же, что с музейной перевозкой: проверяю каждый стык, пока право на ошибку не исчезнет. Я закрыла почту и пошла в переговорную, где Лида ждала меня с планом передачи.

До конца рабочего дня мы с Лидой прошли по всем задачам. Я показала, где лежат страховые полисы, кому звонить при задержке ночного окна и почему нельзя соглашаться на замену машины без проверки креплений. Лида записала только два пункта.

— Остальное я знаю, — сказала она. — Вы меня два года учили.

— Я проверяю не тебя.

— Я знаю. Вы проверяете, можно ли уйти.

Мне не понравилось, что она права, но спорить было поздно.

Проверка пришла через двадцать минут. Тверской музей сообщил, что разгрузочное окно сдвигают на два часа из-за городского мероприятия. Обычно я сама звонила перевозчику, охране и страховщику, а потом ставила остальных перед готовым решением. На этот раз письмо было адресовано

Лиде, я стояла в копии.

Она прочитала сообщение и спросила:

— Если перенесем выезд, водитель выйдет за допустимое рабочее время. Я запрошу сменного и подтверждение страховки. Вы согласны?

— Решение твое.

— Я спрашиваю не разрешения. Вдруг вижу не все последствия.

Я заставила себя не открывать договор раньше нее.

— Проверь платный простой у музея и время на новый пропуск. Если они входят в расчет, последствий больше не вижу.

Лида позвонила подрядчику при мне, договорилась о сменном водителе и перенесла пропуск. Это заняло девять минут. Мир выставочной логистики выдержал мое бездействие, хотя словом «бездействие» здесь называлось чужое выполненное решение.

— Теперь можно в отпуск? — спросила она.

— Теперь можно.

После работы я заехала в отделение банка и забрала бухгалтерскую выписку с печатью. Сотрудница предложила перевыпустить основную карту, но необходимости не было: ее реквизиты Антон не знал, а дополнительная уже заблокирована. Я отключила автоматическое пополнение семейной карты и оставила на счете сумму, достаточную для обычных платежей за квартиру. Зарплата дальше должна была посту-

пать на тот же счет, поэтому каждое движение сохраняло понятный источник.

У банкомата я сняла десять тысяч наличными на дорогу. Купюры положила в отдельный карман рюкзака вместе с копией паспорта. Раньше наличные, лекарства и билеты для нас обоих собирала я. На этот раз объем работы уменьшился вдвое, но легче от этого не стало.

Вечером дома стоял раскрытый чемодан Антона. Он складывал в него рубашки, хотя командировка уже перестала существовать.

— Куда ты собираешься? — спросила я.

— В гостиницу. Так будет спокойнее.

— Согласна.

— Я могу остаться у Киры, если тебе важно знать.

— Мне важно, чтобы ты не забрал общие документы.

Он выпрямился.

— Ты правда сейчас думаешь только о бумагах?

— Нет. Но бумаги я могу проверить.

— Хорошо. Проверяй.

Антон открыл ящик стола и выложил договор покупки квартиры, страховой полис и папку с погашенной ипотекой. Я сверила страницы и убрала документы обратно.

— Довольна?

— Да.

— Вчера ты сказала, что поедешь. Ты просто пугаешь меня или действительно собираешься занять место Киры?

Я достала с верхней полки небольшой чемодан.

— В договоре нет места Киры. Есть мое.

— Ты никогда не хотела на Север.

— Я хотела отдыхать с мужем. Это оказалось недоступно.

Теперь выберу из того, что осталось.

— Ты ничего не докажешь этой поездкой.

— Я никому ничего не доказываю.

— Тогда зачем?

Вопрос был справедливым, и готового ответа у меня не было. Можно было остаться в Москве, снять квартиру, заняться оценкой имущества и две недели разбирать собственную жизнь по документам. Это выглядело разумно. Антон наверняка одобрил бы такую последовательность.

— Потому что ты уже решил, как пройдет мой отпуск, — сказала я. — И я не хочу начинать развод с согласия на твое решение.

Он застегнул чемодан.

— Кира ни в чем не виновата.

— Она знала, что ты женат?

Антон взялся за ручку.

— Я сказал ей, что мы давно живем отдельно.

Я оглядела спальню. Его вещи занимали половину шкафа. Зарядка лежала у кровати, вчерашняя рубашка — в корзине для белья.

— Значит, ты лгал не только мне.

— Наш брак действительно закончился раньше, чем ты

это заметила.

— Нет. Ты вышел из него раньше, чем сообщил мне. Это разные вещи.

Он ушел, оставив ключи на тумбе в прихожей. Я не знала, окончательный ли это жест или удобный способ не встретиться до моего отъезда. Его мотив больше не требовалось угадывать. Достаточно было факта: сегодня он ночевал в другом месте.

Я собрала вещи по прогнозу и программе: непромокаемая куртка, удобные ботинки, запасные стельки, легкий свитер, аптечка, складной рюкзак. Не покупала новый гардероб и не складывала платья для случайного свидания. В правилах тура значились пешие участки, переменчивая погода и ограничение по багажу.

Документы заняли больше места, чем одежда. В отдельную папку я положила паспорт, страховку, договор тура, чек доплаты и новое подтверждение обратного билета. Копии материалов для Аллы остались в защищенном хранилище. Ключи от квартиры я не отдала Антону: до соглашения жилье оставалось общим, и его демонстративный уход не отменял моего права войти туда после поездки.

Алла позвонила вечером и повторила то, что уже написала в письме:

— Не принимай решений о квартире из поезда. Если он предложит сумму, отвечай, что документ передан представителю.

— Даже если сумма будет нормальной?

— Особенно тогда. Нормальная цифра без срока, обеспечения и перечня имущества может оказаться плохим соглашением.

Мы договорились, что она подаст заявление после получения свидетельства и выписки из реестра. Я выдала доверенность только на получение документов и ведение переговоров. Право подписать соглашение или отказаться от требований оставалось у меня.

После разговора я открыла таблицу личных расходов. Одноместная доплата и новый билет уменьшили накопления до шестисот тридцати семи тысяч семисот рублей. Аренда московской квартиры потребует первого месяца, залога и комиссии. Суд, оценка и переезд добавят расходы, которых вчера не существовало. Я могла их оплатить, но не могла делать вид, что свобода досталась бесплатно.

В соседней комнате стоял шкаф с общими полотенцами, посудой и фотографиями. Решить, кому достанется каждая вещь, за один вечер было невозможно. Я взяла только то, без чего не могла уехать, и составила список того, что понадобится забрать позже при свидетелях или по согласованному времени.

В пятницу я работала до четырех, затем передала Наталье Борисовне служебный телефон. Антон прислал проект соглашения в виде короткого письма без оценки квартиры и сроков выплаты. Алла ответила ему, что рассмотрит предло-

жение после получения расчета и подтверждения источника средств.

Передача работы заняла два часа. Я показала Наталье Борисовне календарь приемки, контакты перевозчиков экспозиции и две точки, где могла потребоваться замена машины. Она задала вопросы, записала решения и попросила не проверять служебную почту из гостиниц.

— Если что-то действительно случится, я позвоню, — сказала она. — Но сначала попробую решить сама.

Я услышала в этой фразе не только заботу. Много лет я приучала коллег приходить ко мне раньше, чем они успевали выбрать вариант. Теперь заместитель просила разрешить ей выполнять работу, для которой ее назначили.

— Звони только при угрозе сроку открытия или безопасности груза, — ответила я. — Остальное решай в пределах бюджета.

Когда служебный телефон лег в ее ящик, мне стало тревожно. Я не забрала его обратно.

Вечером я заказала такси на утро и переночевала в гостевой комнате. В квартире было непривычно тихо, но я не искала в этом знаков. Один человек уехал, второй собирался сделать то же самое.

Утром двадцать второго июня я закрыла дверь своим комплектом ключей. Чемодан весил одиннадцать килограммов. Рабочая сумка осталась дома, документы лежали в небольшом рюкзаке.

На Ленинградском вокзале я купила кофе и впервые открыла программу поездки полностью. Санкт-Петербург, Сортавала, Ладога, Петрозаводск, Медвежьегорск, Беломорск, Кемь. Почти две недели, восемь переездов, один водный участок и два резервных окна, которые показались мне слишком короткими.

Я заметила ошибку в стыке уже на второй странице и заставила себя не писать организаторам. Пока я была туристкой.

Поезд тронулся по расписанию.

Антон прислал одно сообщение: «Если передумаешь, еще можно все отменить».

Я перевела нашу переписку в беззвучный режим и убрала телефон.

Отпуск начинался без его разрешения.

И без моего прежнего расписания на двоих.

ГЛАВА 3. Руководитель группы

В Санкт-Петербург поезд прибыл в десять двадцать, а встреча группы была назначена на одиннадцать у бокового входа Московского вокзала. Я успела купить воду, проверить платформу обратной пересадки и дважды напомнить себе, что дальнейший маршрут организую не я.

У выхода стояла девушка с табличкой «Северный ход». На вид ей было не больше двадцати. Темные волосы она собрала в высокий хвост, поверх футболки надела ярко-синий жилет с эмблемой компании. У ног лежали две папки, коробка с бутылками воды и штатив.

— Елена Викторовна Корнеева? — спросила она, сверившись со списком.

— Да.

— Я Полина. Можно паспорт на минуту? Отмечу прибытие.

Она проверила данные, выдала бейдж и попросила поставить чемодан к ограждению. Действовала быстро, но не торопила людей. Рядом уже ждали шестеро участников: пожилая пара с одинаковыми складными зонтами, мужчина в рыбацкой куртке, две подруги примерно моего возраста и женщина с короткой седой стрижкой, читавшая книгу стоя.

— Одноместное размещение у меня подтверждено, — сказала я, когда Полина вернула паспорт.

— Вижу допсоглашение. Но у нас стоит красная отметка по исходному заказу. Михаил подойдет и проверит.

— Кто такой Михаил?

— Руководитель группы. И мой отец.

Она произнесла вторую фразу без гордости или недовольства, как пункт в договоре, о котором лучше предупредить заранее.

К одиннадцати собрались одиннадцать туристов. Последним пришел мужчина в темной ветровке, с рюкзаком и тонкой папкой под мышкой. Он был выше большинства в группе, но заметила я другое: прежде чем подойти, он пересчитал чемоданы, посмотрел на часы и проверил, свободен ли проезд к микроавтобусу.

— Доброе утро. Михаил Руднев, — представился он. — На маршруте отвечаю за программу и безопасность. Полина ведет связь, документы и фото. Водителя зовут Олег. До Сортавалы около четырех с половиной часов с остановкой. Перед посадкой сверим список и багаж.

Говорил он спокойно, без экскурсоводческой бодрости. После короткого объяснения группа начала двигаться к машине. Полина коснулась его локтя и показала мой лист.

Михаил прочитал отметку, потом обратился ко мне:

— Елена Викторовна, задержу вас на несколько минут. По вашему заказу вчера поступили два противоречащих друг другу распоряжения.

— У меня есть отдельное дополнительное соглашение.

— Вижу его номер. Нужны оригинал подтверждения и чек с вашего счета.

— Электронные подойдут?

— Да.

Я открыла папку в телефоне. Он не заглядывал через плечо и дождался, пока я сама передам экран. Сначала проверил номер договора, затем фамилию, время оплаты и письмо компании о раздельном лицевом счете.

— Документы в порядке, — сказал он. — Но плательщик исходного тура запросил полный возврат. Бухгалтерия пока не закрыла спор.

— Менеджер предупреждала. При необходимости я повторно оплачу свою часть услуги.

— Это сто семьдесят четыре тысячи рублей.

— Я знаю сумму.

Он поднял взгляд от телефона.

Лицо у него было обычным для мужчины, который много времени проводит на улице: неровный загар, светлая полоска у виска, несколько морщин от привычки щуриться. Серые волосы коротко подстрижены. Ни внушительной суровости, ни нарочитой улыбки для клиента.

— Вы понимаете, что до решения банка возврат этих денег не гарантирован? — спросил он.

— Понимаю.

— Тогда подпишите уведомление о спорной оплате. Это не отказ от ваших требований, только подтверждение, что

мы вас предупредили.

Я прочитала документ целиком. Формулировка была ак-
куратной: компания не снимала меня с маршрута, но остав-
ляла право приостановить услуги при отмене банком исход-
ного платежа до повторной оплаты.

— Здесь нет срока, за который вы обязаны уведомить ме-
ня, — сказала я.

— Потому что банк может провести списание без преду-
ждения.

— Но компания узнает об этом раньше, чем я. Добавьте,
что уведомление отправляется в течение двух часов после
получения информации.

Михаил посмотрел на часы. Остальные уже размещали ба-
гаж.

— Полина, ручку.

Он вписал предложение в оба экземпляра, поставил под-
пись и передал мне.

— Так подходит?

— Да.

— Хорошо. Теперь размещение. В системе гостиниц еще
стоит исходный двухместный номер. После отмены второго
участника его сняли и создали одноместные заявки, но не
все отели подтвердили замену. Сегодня в Сортавале все в
порядке. По Петрозаводску ждем ответ.

— В моем допсоглашении указано подтвержденное раз-
мещение по всему маршруту.

— Указано обязательство компании его обеспечить. Это не то же самое, что полученное подтверждение от каждого отеля.

Мне не понравился ответ, но он был точным.

— Когда будет результат?

— Сегодня до восьми вечера. Если гостиница не подтвердит, предложим равноценный вариант или компенсацию.

— Письменно?

— Все изменения только письменно.

Я подписала уведомление.

— Теперь я могу ехать?

— Можете. И еще одно. Если платежный спор делает поездку слишком напряженной, вы вправе отказаться сейчас. Мы оформим возврат по правилам договора и поможем с билетом в Москву.

— Вы предлагаете мне уехать?

— Я предлагаю выбор до старта. Через час мы будем за городом, и решать станет дороже.

Это была не попытка избавиться от неудобной клиентки. Он назвал последствие до того, как оно возникло. Я сама поступала так с заказчиками, которые соглашались на перевозку без резерва, а потом считали предупреждение личным оскорблением.

— Я остаюсь.

— Тогда добро пожаловать в группу.

Полина подняла мой чемодан, но я забрала ручку.

— Он на колесах.

— До автобуса двести метров по плитке. Я обязана предложить помощь.

— Предложение принято к сведению.

Она улыбнулась.

— Папа, у нас еще один человек, который читает мелкий шрифт.

— Это полезно, пока вы не читаете его вслух в дороге, — ответил Михаил.

В микроавтобусе мне досталось место у окна во втором ряду. Рядом села женщина с книгой.

— Зоя Аркадьевна Левина, — представилась она. — Можно просто Зоя. Отчество в отпуске занимает много места.

— Елена.

— Вы та самая сложная бронь?

Я посмотрела на нее.

— Полина ничего не говорила, — уточнила Зоя. — Просто все приехали парами или по одному, а у вашего чемодана дважды проверяли номер. Я библиотекарь. Привыкла замечать, кому не вернули формуляр.

— Тогда да. Сложная бронь.

— Хорошо, что не сложный человек. Это выясняется дольше.

Она снова открыла книгу, не задав ни одного личного вопроса.

Перед отправлением Михаил прошел по салону, сверяя ремни. У пожилой пары не закрывался верхний отсек, и он переставил их сумку вниз, не комментируя размер багажа. Мужчине в рыбацкой куртке напомнил убрать складной нож в чемодан. Затем сел впереди рядом с водителем.

— До первой остановки полтора часа, — сообщил он. — В салоне вода. Просьба не ходить во время движения. Если кому-то станет плохо, скажите сразу, а не после того, как мы проедем съезд.

— А экскурсия будет? — спросила одна из подруг.

— После выезда из города Полина расскажет о маршруте. Я не перекрикиваю развязки.

Машина тронулась в одиннадцать двадцать восемь, на две минуты раньше указанного времени. Я поймала себя на желании проверить, все ли чемоданы загрузили, и посмотрела в окно.

Полина начала рассказ после Кольцевой дороги. Она говорила без заученной торжественности, отмечала, где понадобится удобная обувь и почему водный участок зависит от ветра. Когда речь дошла до первого утра, Михаил поднял руку.

— Изменение по двадцать третьему. На въезде дорожные работы, поэтому выезжаем из гостиницы в восемь десять, на двадцать минут раньше программы. Завтрак откроют в семь.

— А если я не успею? — спросил мужчина с ножом, представившийся Геннадием Павловичем.

— Сообщите вечером. Найдем вариант завтрака с собой. Группа не будет ждать без предупреждения.

— Двадцать минут ничего не решат.

— На первом участке решат. После девяти переключают одну полосу.

Геннадий Павлович недовольно отвернулся. Михаил не стал доказывать правоту второй раз.

На остановке у Приозерска мы вышли размяться. Кафе было небольшим, очередь быстро дошла до двери. Полина считала участников у входа, Олег осматривал колеса. Я купила чай и села за свободный столик у стены.

Михаил подошел через несколько минут.

— Можно?

— Конечно.

Он поставил на стол чашку и папку с документами.

— Бухгалтерия подтвердила ваш отдельный платеж. На сегодня вопросов нет.

— На сегодня звучит обнадеживающе.

— Я предпочитаю не обещать работу банка.

— Разумно.

— Вы часто путешествуете группой?

— Первый раз.

— Тогда почему выбрали маршрут с восемью переездами?

Прямой ответ требовал упомянуть Антона и Киру. Я не хотела начинать знакомство с человеком, который отвечал

за мой ночлег, пересказом измены.

— Маршрут выбрали до меня. Я решила использовать свое место.

Он не попросил объяснить.

— Если понадобится помощь с физической нагрузкой, скажите заранее. Завтра есть два пеших варианта.

— В программе указан один.

— Короткий маршрут предусмотрен внутренним планом. Мы не рекламируем его как отдельную экскурсию, но предлагаем по погоде и состоянию группы.

— Хорошо.

— И еще: замечания по организации можно присылать Полине или мне. Не нужно ждать конца тура.

— Я уже сообщила о сроке уведомления и размещении.

— Поэтому и говорю.

Он допил кофе, собрал папку и ушел проверить посадку. Разговор занял меньше пяти минут. Ни сочувствия, ни попытки понравиться. Меня это устраивало.

К Сортавале погода изменилась. Низкие облака закрыли солнце, на стекле появились редкие капли. Дорога шла между лесом и каменными выходами, но я замечала в основном повороты, на которых чемоданы в заднем отсеке слегка смещались. Ремни держали.

На выезде из Петербурга Михаил прошел по салону и проверил, все ли пристегнулись. Он не спрашивал, удобно ли мне после спора у стойки, и не предлагал пересесть вперед.

Для него я оставалась одной из участниц группы с подтвержденной оплатой. Такое равенство оказалось приятнее сочувствия.

Полина раздала воду и карточки с телефоном компании. На моей фамилии не было ни пометки о разводе, ни имени плательщика. Только номер комнаты, ограничения по питанию и новый экстренный контакт.

Я достала программу, но не стала снова искать ошибки в стыках. До первой остановки оставалось девяносто минут, и от меня не требовалось ни одного решения.

В гостиницу мы приехали после пяти. На стойке Михаил передал список, Полина разложила конверты с ключами. Мой номер был одноместным, на третьем этаже, с завтраком с семи утра. Я проверила только фамилию и даты.

— Все правильно? — спросил Михаил.

— Сегодня да.

— Остальные гостиницы подтвердят до восьми. Напишу вам отдельно.

— Спасибо.

— В восемнадцать тридцать короткий сбор в малом зале, — добавил он. — Проверим экстренные контакты и завтрашнюю нагрузку. Десять минут.

В номере помещались узкая кровать, стол, стул и небольшой шкаф. Я поставила чемодан на подставку, сняла куртку и впервые за два дня осталась одна в помещении, которое не принадлежало ни мне, ни Антону.

Телефон показывал пять пропущенных вызовов от мужа и письмо от Аллы: Антон подтвердил готовность к разводу, но просил отложить подачу до моего возвращения. Причину не назвал.

Я переслала юристу короткий ответ: ждать не буду, документы готовим по плану.

На сбор я спустилась с паспортом и страховым полисом. Полина раздала анкеты, заполненные по данным заявки. В строке «контакт в экстренной ситуации» у меня стоял Антон Сергеевич Корнеев.

Я долго смотрела на его номер. Еще три дня назад выбор казался естественным. Если я попадала в больницу в командировке, звонили мужу. Если у Антона случалось что-то на дороге, звонили мне. Сейчас он оставался ближайшим родственником по документам, но я не была уверена, что он ответит незнакомому номеру, если в это время будет объяснять Кире сорванный отпуск.

— Можно изменить контакт? — спросила я.

— Конечно, — сказала Полина. — Нужны имя, телефон и кем вам приходится человек.

Я вышла в коридор и позвонила Наталье Борисовне.

— Прости, что в отпуске, — сказала она вместо приветствия. — Что случилось?

— Пока ничего. Можно указать вас контактным лицом для туристической компании? Только на время маршрута. Если будет реальная чрезвычайная ситуация.

Она не ответила сразу.

— Антона указывать не хочешь?

— Не хочу.

— Записывай мой мобильный. И пришли название компании, номер страховки и даты. Если мне позвонят из-за потерянного чемодана, я тебя уволю.

— Из-за чемодана звонить не должны.

— Тогда договорились.

Я внесла ее данные и передала анкету Полине. Михаил стоял у доски с картой и ждал, пока все закончат. Когда анкеты собрали, он объяснил правила завтрашней прогулки: две тропы разной длины, связь на развилках, запрет выходить за ограждения и время возвращения к машине.

— В программе короткого варианта нет, — заметила Светлана.

— Он предусмотрен планом безопасности, — ответил Михаил. — Вы выбираете утром и можете перейти на него до второй развилки. После второй маршруты расходятся.

— А если все выберут короткий?

— Значит, пройдем короткий. Стоимость тура от количества пройденных километров не меняется.

Геннадий Павлович спросил, можно ли взять с собой квадрокоптер. Михаил уточнил модель, объяснил ограничения возле объекта и предложил показать разрешение до выезда. Пожилая пара сообщила о препаратах от давления. Полина отметила это в закрытой части списка, не повторяя на-

звания вслух.

Я наблюдала, как отец и дочь делят работу. Михаил отвечал на вопросы, Полина исправляла телефоны и страховые данные. Он дважды начинал говорить вместо нее, но оба раза останавливался, когда она поднимала ладонь. Это выглядело как давно установленный порядок, который не устраивал хотя бы одного из них.

После сбора Полина вернула мне копию анкеты.

— Наталья Борисовна знает, что вы ее указали?

— Да.

— Отлично. Некоторые вписывают людей, которые потом принимают нас за телефонных мошенников.

— Вы часто звоните?

— За прошлый сезон два раза. Один перелом, одна госпитализация из-за хронического заболевания, о котором человек не сообщил. Надеюсь, в этом маршруте обойдемся без практики.

Я сложила копию в папку. Замена одной строки заняла меньше минуты, однако после нее развод стал фактом не только в переписке с юристом. Если со мной что-то случится, Антон не будет первым человеком, которому сообщат.

В семь пятьдесят пришло сообщение от Михаила: «Петрозаводск и северные гостиницы подтвердили одноместное размещение. Завтра сбор в холле в 8:00, выезд 8:10».

Я ответила, что получила информацию, и поставила будильник на семь.

На следующее утро мне предстоял первый день, за который не отвечала ни я, ни мой муж.

ГЛАВА 4. Первый день без плана мужа

В восемь ноль пять в холле не хватало Геннадия Павловича.

Остальные участники уже сдали ключи и ждали у выхода. Олег прогревал микроавтобус, Полина проверяла номера телефонов на случай разделения группы. Михаил позвонил в номер, подождал, затем попросил администратора подняться на этаж.

— Мы опоздаем из-за него? — спросила Светлана, одна из двух подруг.

— До восьми десяти не опоздаем, — ответил Михаил.

— А потом?

— Потом выедем и договоримся, как Геннадий Павлович присоединится.

Он не говорил этого с угрозой. Просто назвал порядок.

В восемь девять двери лифта открылись. Геннадий Павлович вышел с застегнутой не на те пуговицы курткой и пакетом из столовой.

— Можно было разбудить человека, — сказал он.

— Вам звонили в семь сорок и в восемь пять, — ответил Михаил. — Вы готовы ехать?

— Я здесь.

— Тогда выезжаем.

Никто не получил публичного выговора, время мы не потеряли. В машине Геннадий Павлович еще несколько минут шуршал пакетом, а потом уснул.

Первый участок проходил по каменистой тропе над заливом. После ночного дождя корни были скользкими, поэтому Михаил разделил группу на две части. Полина повела коротким маршрутом Зою и пожилую пару, остальные пошли с ним. Я автоматически выбрала длинный вариант: в программе он стоял основным, и у меня были хорошие ботинки.

Через двадцать минут выяснилось, что ботинки не заменяют привычки ходить по мокрым камням. Подъем не был опасным, но требовал смотреть под ноги и не торопиться. Я шла последней, сохраняя расстояние. Михаил несколько раз останавливал группу у развилок, не выделяя меня отдельно.

На очередном подъеме я поставила ногу на плоский камень, подошва сдвинулась на несколько сантиметров. Я удержалась за перила, но поняла, что следующие полтора часа потрачу не на прогулку, а на доказательство собственной выносливости людям, которым это безразлично.

— Где короткая тропа соединяется с нашей? — спросила я у Михаила.

— Через двести метров есть спуск к нижней площадке. Полина будет там примерно через десять минут.

— Я перейду к ней.

— Нужна помощь на спуске?

— Покажите начало. Дальше посмотрю.

Он указал на боковую тропу и прошел со мной до первых ступеней. Они были деревянными, с поручнем.

— Связь здесь есть. Напишите Полине, когда спуститесь.

— Вы не будете убеждать, что осталось совсем немного?

— Осталось больше половины.

— Удивительно честный туристический сервис.

— Отзывы после травм обычно хуже, чем после честных цифр.

Я спустилась без помощи и через семь минут встретила короткую группу. Зоя сидела на скамье, пока Полина показывала пожилой паре старые фотографии берега.

— Добро пожаловать к людям, которые никому ничего не доказывают, — сказала Зоя.

— Я задержалась с заявлением.

— Главное, что приняли.

К нижней площадке длинная группа пришла на двадцать пять минут позже нас. Михаил пересчитал участников, спросил, все ли в порядке, и только после этого объявил время свободной прогулки.

— Вы правильно перешли, — сказал он мне, когда остальные разошлись.

— Это не требует похвалы.

— Не требует. Я подтверждаю, что изменение не создало проблему группе.

— Тогда принято.

Он посмотрел на мои ботинки.

— Протектор хороший. Дело было не в обуви.

— Я в курсе.

— Многие предпочитают обвинить ботинки.

— Они не могут возразить.

Кажется, он собирался улыбнуться, но в этот момент Полина позвала его к участнику, который хотел уйти за ограждение ради фотографии.

До обеда мы осматривали берег и небольшую мастерскую. Я не записывала время остановок и не проверяла, где стоит машина. Дважды ловила себя на том, что ищу Полину взглядом перед уходом группы. В третий раз позволила ей самой пересчитать людей.

В мастерской нам предложили выбрать между общей демонстрацией и самостоятельным осмотром. Я осталась у длинного стола, где мастер показывал, как подгоняет деревянные детали лодки. Он говорил о влажности, сушке и том, почему материал нельзя ускорить без потери прочности. Геннадий Павлович пытался вывести разговор к преимуществам современных составов, мастер спокойно отвечал цифрами.

Полина фотографировала работу, меняя объективы прямо у окна. Когда остальные перешли в соседний зал, она попросила меня придержать папку с согласиями на съемку.

— Вы всегда возите бумагу с собой? — спросила я.

— Папа считает, что электронная подпись пропадет там,

где нет связи.

— Она не пропадет, но подтвердить ее будет сложнее.

— Вы сейчас на его стороне?

— Я сейчас держу папку.

Полина рассмеялась и убрала камеру.

— Простите. У нас пилотный маршрут, и отец ведет себя так, будто любая мелочь решит судьбу компании.

— А решит?

— Не одна. Но дядя Павел дал ему сезон. Если расходы опять окажутся выше сметы, он хочет продать свою долю.

Она произнесла это буднично, затем взяла папку. Я не стала спрашивать, почему финансовый партнер обсуждает продажу с девятнадцатилетней племянницей. Возможно, она знала только часть разговора.

— Я не должна была вам это говорить, — добавила Полина.

— Я не собираюсь обсуждать дела вашей компании.

— Спасибо.

— Но если информация закрытая, лучше не проверять надежность туристов по очереди.

— Поняла.

Она не обиделась и пошла догонять группу. Я осталась у макета лодки еще на минуту. Теперь стало яснее, почему Михаил проверял каждый документ лично и почему утренние двадцать минут имели для него большее значение, чем для Геннадия Павловича. Это не делало его правым во всем,

но объясняло, почему каждая ошибка маршрута могла дорого обойтись.

За столом Зоя спросила, чем я занимаюсь.

— Перевожу выставки между музеями.

— Картины?

— И картины, и графику, и предметы. Я отвечаю за транспорт, хранение, страховку и время приемки.

— Значит, вы отдыхаете в месте, где вас перевозят между объектами.

— Похоже на неудачный выбор.

— Или на постепенное снижение ответственности.

Я посмотрела на нее внимательнее.

— Вы всем находите подходящий раздел каталога?

— Только если человек сам назвал тему.

Зоя занялась супом и больше не задавала вопросов.

После обеда телефон несколько раз завибрировал в кармане. Я отключила уведомления Антона до вечера, но письма от Аллы оставила. В ее сообщении была пересланная копия требования: Антон просил вернуть ему сто семьдесят четыре тысячи рублей, поскольку поездка предназначалась не мне и я «самовольно воспользовалась семейными средствами».

Я прочитала текст дважды. Он не отрицал, что внес мои данные. Не отрицал связь с Киной. Он только менял назначение денег задним числом.

В приложении к письму лежал расчет: половина стои-

мости тура, комиссия за отмену его места и «компенсация моральных расходов из-за невозможности использовать отпуск». Последняя строка составляла сорок тысяч.

Я отошла от группы к ограждению и позвонила Алле.

— Моральные расходы на несостоявшийся отпуск с любовницей входят в семейное право? — спросила я.

— В его воображении входят. В нашем ответе их не будет.

— Что нужно от меня?

— Подтверждение вашей доплаты и письмо компании о самостоятельном договоре. Уже прислали?

— Да.

— Перешлите. Я отвечу, что затраты учитываются при общем разделе, а прямого долга перед ним вы не признаете. И еще: он пишет, что вы знали о предстоящем разводе. Это правда?

— Нет.

— Тогда зафиксируем. Без оценок.

— Я могу ответить ему сама одной строкой?

— Можете. Но зачем?

Я посмотрела на воду за ограждением. Ответ Антону ничего не менял юридически. Он хотел вернуть разговор в привычное место, где говорил о разумности, а я объясняла, почему имею право не соглашаться.

— Незачем. Отвечайте вы.

— Хорошо. До вечера пришлю копию.

После звонка я отправила документы и убрала телефон в

рюкзак.

— Проблемы? — спросил Михаил.

Он стоял в нескольких шагах, держа рацию. Я не заметила, как он подошел.

— Письмо по платежу. К маршруту пока не относится.

— Если банк отменит операцию, относится.

— Тогда я получу уведомление и перечислю свою часть.

— Понял.

Он не спросил, кто пишет и почему. Вместо этого сообщил, что через десять минут группа возвращается к машине.

— Я буду у выхода.

— Елена Викторовна.

Я обернулась.

— Если вам нужно пропустить часть программы для разговора с юристом, скажите Полине. Мы не будем объяснять это группе.

— Я не хочу пропускать программу.

— Тогда не пропускайте.

Он ушел к остальным.

На обратном пути в Сортавалу я сидела рядом с Зоей и смотрела на дорогу. Антон прислал еще два сообщения, хотя Алла уже ответила ему. Первое начиналось словами «Ты делаешь из нас врагов». Второе — «Кира считает, что я должен дать тебе время».

Я не открыла их полностью.

В гостинице у меня был час до ужина. Я сняла мокрую

куртку, проверила обувь и ответила Алле, что согласна с формулировкой письма. Затем открыла чат с Антоном.

«Все расходы по поездке будут учтены при разделе имущества. Дальнейшее обсуждение денег и квартиры веди с Аллой. По срочным бытовым вопросам пиши мне на почту».

Он ответил почти сразу:

«Мы прожили вместе двадцать два года. Неужели ты не можешь поговорить со мной без посредника?»

Я набрала: «Могла семь месяцев назад». Стерла. Это было правдой, но не решением.

Вместо ответа установила для его чата беззвучный режим до первого июля. Полностью блокировать номер не стала: у нас оставались квартира, счета и документы. Канал связи был нужен. Постоянный доступ ко мне — нет.

За ужином Геннадий Павлович рассказывал, что группа могла успеть на дальнюю площадку, если бы шла быстрее. Михаил выслушал и объяснил, что дорожное окно закрылось в двенадцать, поэтому скорость прогулки ничего не меняла.

— Тогда зачем мы выехали раньше? — спросил Геннадий Павлович.

— Чтобы пройти участок до начала работ и не стоять на въезде сорок минут.

— Мы могли поспать эти двадцать минут.

— Могли. В автобусе после выезда.

За столом кто-то рассмеялся. Михаил продолжил есть, не пытаясь закрепить успех.

Полина сидела напротив отца и просматривала фотографии на ноутбуке. Когда он попросил ее сразу отправить лучшие в общий чат, она ответила:

— После резервной копии. Я уже потеряла карту памяти на прошлом выезде.

— Там было двадцать снимков.

— Поэтому я теперь делаю копию и только потом отправляю.

Михаил хотел возразить, но остановился.

— Хорошо. До десяти успеешь?

— Да.

В общий чат фотографии пришли в девять сорок две. На одной я стояла у нижней площадки рядом с Зоей и смеялась над чем-то, чего уже не помнила. Обычно снимки из отпуска я пересылала Антону в тот же вечер. Этот сохранила в личную папку и никому не отправила.

Я заметила этот короткий обмен именно потому, что знала привычку давать готовое решение раньше вопроса. Антон делал иначе: сначала добивался согласия, что его вариант разумный. Результат часто был тем же.

После ужина я вышла пройтись до набережной. Дождь прекратился, деревянные настилы еще блестели от воды. Туристы фотографировали залив, местные подростки сидели на ступенях у кафе. Я дошла до конца освещенного участка и остановилась у расписания прогулочных катеров.

— Завтра они, скорее всего, не выйдут, — сказал Михаил

за спиной.

Я повернулась. Он был без папки и жилета компании, только в свитере и ветровке.

— Почему?

— Ветер усилится после обеда. Наш водный день послезавтра, но прогноз тоже плохой.

— Вы уже ищете замену?

— Да.

— Это служебная информация или разговор двух людей у расписания?

— Предупреждение участницы. Разговор двух людей начнется, если вы не против.

Я посмотрела на часы. До возвращения в гостиницу было десять минут пешком, вокруг оставались люди.

— Не против.

Мы пошли вдоль воды. Михаил спросил, понравился ли короткий маршрут. Я сказала, что понравилась возможность его выбрать.

— Полина считает, что я слишком часто решаю за группу, — заметил он.

— Вы руководитель. Это часть работы.

— Она говорит не о работе.

— Тогда я не знаю достаточно, чтобы отвечать.

— Разумно.

— Это слово сегодня уже использовал мой муж. Постарайтесь не злоупотреблять.

Михаил повернул ко мне голову.

— Платежный спор связан с ним?

Я могла уйти от ответа. Он не имел права на подробности, но уже знал, что исходный плательщик пытался отменить мою поездку.

— Да. Тур купил муж. Для другой женщины. В бронь временно внес мои данные, а я решила их не менять.

Михаил остановился у перехода, потому что загорелся красный.

— Ясно.

— Обычно после этого люди говорят, что мне нужно было выбрать другую поездку.

— Вам предлагали отказаться на старте. Вы отказались.

— И это все?

— Для моей работы — да. Для обычного разговора могу сказать, что способ оформления отвратительный.

Он произнес это без попытки утешить. Я неожиданно рассмеялась.

— Спасибо за профессионально ограниченное осуждение.

— Обращайтесь.

Загорелся зеленый. До гостиницы мы дошли, обсуждая завтрашнюю погоду и места, где можно было пройти без сложного подъема. У входа Михаил пожелал спокойной ночи и пошел проверять машину вместе с Олегом.

Я поднялась в номер одна. Это больше не казалось дока-

зательством неудачи.

Утром перевозчик должен был прислать подтверждение микроавтобуса на следующий день. В половине седьмого Михаил получил вместо него сообщение о неисправности машины.

До выезда оставалось меньше двух часов, а свободного транспорта на тринадцать человек в договоре не было.

ГЛАВА 5. Машина, которой нет

В семь утра Михаил сидел в гостиничном холле с тремя телефонами перед собой. Один принадлежал ему, второй Полине, третий, судя по потрескавшемуся чехлу, был служебным. Олег стоял у окна и разговаривал с кем-то короткими фразами: модель, год, количество мест, ремни.

Я поняла, что подтверждение машины не пришло, еще до того, как увидела сообщение в общем чате.

«Выезд переносится на 9:00. Завтрак без изменений. Причина — техническая неисправность транспорта. Обновление в 8:00».

Полина заметила меня и подошла.

— Не пугайтесь. Наш микроавтобус исправен. Сломалась машина местного перевозчика, которая должна была забрать нас после первого объекта и отвезти дальше, пока Олег перегоняет багаж в Петрозаводск.

— Я не пугаюсь. У вас есть подтвержденная замена?

— Пока нет.

Она ответила честно, хотя могла ограничиться первой фразой.

— Тогда я пойду завтракать.

В столовой Геннадий Павлович уже объяснял окружающим, что подобные ситуации решаются одним звонком в нормальную транспортную компанию. Светлана листала

программу и подсчитывала, какой объект мы не успеем посетить. Зоя спокойно намазывала масло на хлеб.

— Вы ведь специалист по перевозкам, — обратился ко мне Геннадий Павлович. — Скажите, сколько нужно времени, чтобы найти автобус?

— Зависит от числа мест, маршрута, лицензии, режима водителя и того, где сейчас находится машина.

— То есть долго?

— То есть у вопроса нет ответа без данных.

— Но организаторы должны были иметь резерв.

— Это лучше спросить у организаторов.

Я взяла чай и села рядом с Зоей.

— Правильно, — сказала она. — Иначе к десерту вас назначат начальником транспорта.

— Десерта здесь нет.

— Значит, назначение откладывается.

В восемь Михаил собрал группу в холле. Он не стал говорить, что все под контролем.

— Машина подрядчика вышла из строя до подачи. По договору он обязан дать замену, но предлагает транспорт на девять мест вместо тринадцати и второй рейс через три часа. Этот вариант мы не принимаем. Сейчас проверяем еще два. Выезд переносится минимум на час. Из программы убираем свободное время у второй площадки, основной объект сохраняем. Если до девяти транспорт не подтвердится, предложим другой порядок дня.

— Почему нельзя поехать на нашей машине? — спросила Светлана.

— Олег должен доставить багаж в следующую гостиницу и пройти обязательный перерыв перед вечерним участком. Если он повезет группу весь день, мы нарушим его режим и не сможем продолжить маршрут вечером.

— Наймите второго водителя, — посоветовал Геннадий Павлович.

— Это один из вариантов, — ответил Михаил. — Подтверждение будет в восемь тридцать.

Он закончил объявление и вернулся к столу. Группа разошлась по диванам и номерам. Я вышла на улицу, чтобы не слушать коллективные предложения. Дождя не было, но асфальт оставался мокрым. У микроавтобуса Олег проверял крепления багажного отсека.

Через несколько минут Михаил вышел с распечатками.

— Елена Викторовна, можно вопрос по вашей специальности?

— Можно.

— Подрядчик предлагает две машины. Первая подходит по местам, но идет из Лахденпохьи. Вторая ближе, однако у нее ограниченный багажный отсек. Наш багаж увезет Олег, поэтому я рассматриваю ее.

Он показал фотографию салона и описание. В машине было тринадцать пассажирских мест, но в техпаспорте, присланном отдельным файлом, значилось двенадцать, включая

место рядом с водителем. Компания считала свободным место водителя.

— Она на одиннадцать пассажиров, — сказала я. — Вас, Полину и группу не посадить.

— В объявлении тринадцать.

— В объявлении считают передний ряд целиком. Посмотрите схему в приложении к полису.

Он открыл документ и провел пальцем по строкам.

— Верно.

— Кроме того, для ручной клади остается только полка. У Геннадия Павловича фотосумка, у Светланы рюкзак с техникой, у пожилой пары лекарства. Даже без чемоданов будет тесно.

Михаил убрал лист.

— Спасибо.

— Это замечание, не консультация.

— Я понимаю разницу.

— Не все понимают.

— Тогда спрошу прямо. Вы можете сравнить три предложения по времени подачи, документам и вместимости? Мне нужен второй взгляд. Двадцать минут.

Первой реакцией было согласиться. Я уже видела, где в таблице не совпадали время подачи и начало оплачиваемых часов. Потом вспомнила, что стою у гостиницы в отпуске, а человек напротив руководит коммерческим маршрутом.

— Это работа, — сказала я.

— Да.

— У меня нет договора с вашей компанией.

— На двадцать минут его не успеем оформить. Могу предложить разовую оплату как физическому лицу позже или не обращаться.

Он не сказал, что речь идет о безопасности группы и отказ будет эгоизмом. Оставил мне простой выбор.

— Я посмотрю как участница и назову наблюдаемые риски. Решение и ответственность ваши. Без оплаты, но только один раз.

— Принято. Двадцать минут и один раз.

Мы сели за стол в холле. Михаил переслал мне три предложения. Первое приходило от первоначального подрядчика: две машины, два водителя, подача через сорок минут. Цена входила в прежний договор, но один автомобиль был на девять мест, второй на шесть. По документам все сходилось. Главный риск заключался в разделении группы и багажа на трех транспортных единицах.

Второе предложение стоило сорок девять тысяч, машина могла быть через час пятнадцать. В полисе не совпадал государственный номер: страховка была оформлена на другой автобус той же компании.

Третье стоило шестьдесят семь тысяч, подача через час, все документы совпадали, мест было семнадцать, багажный отсек позволял оставить с группой аптечку и личные сумки. Водитель подтверждал свой режим через электронный путе-

вой лист.

Я выписала факты в четыре столбца: время, вместимость, документы, последствия для вечернего участка.

— Первый вариант законный, но при любой задержке одной машины вы получаете разрыв группы, — сказала я. — Второй до исправления полиса рассматривать нельзя. Третий дороже, зато не требует менять следующую перевозку.

— Первоначальный подрядчик вернет тридцать одну тысячу за непредоставленную машину. Чистая потеря по третьему варианту — тридцать шесть.

— Тогда сравнивайте ее со стоимостью срыва гостиницы и вечернего участка.

— Девяносто две тысячи без учета возвратов участникам.

— Решение очевидно.

— Очевидные решения часто становятся дорогими после подписи.

Он позвонил третьему перевозчику, попросил прислать договор, путевой лист и данные водителя. Затем сообщил Полине новое время выезда — девять двадцать.

— Вы даже не пытаетесь торговаться? — спросила я.

— Пытаюсь. Но сначала бронирую машину. Если буду двадцать минут сбивать цену, ее заберет другая группа.

Это был знакомый порядок: сначала сохранить исполнимый вариант, затем улучшать условия. Я использовала его при срочной замене транспорта для выставок.

— Тогда вам больше не нужен второй взгляд.

— Нужен был именно второй. Спасибо.

Я закрыла таблицу и удалила файлы с документами машины из загрузок.

— Вы их не сохраните? — спросил Михаил.

— У меня нет основания хранить чужие документы.

Он посмотрел на пустую строку загрузок, потом на меня.

— Сколько лет вы занимаетесь логистикой?

— Семнадцать. Руководителем — шесть.

— Вы всегда так отделяете задачу от всего остального?

— На работе стараюсь.

— А в жизни?

— В жизни результат хуже.

Полина принесла договор, и разговор закончился без неловкой попытки его продолжить.

Новая машина приехала в девять четырнадцать. Михаил и Олег вместе сверили номер, документы, ремни и багажный отсек. Группу посадили в девять двадцать семь. Задержка составила час семнадцать минут относительно исходного плана.

— Мы убираем сорок минут свободной прогулки и переносим обед на двадцать минут, — объявил Михаил. — Мастерская и основной объект остаются. Кому новый график не подходит по медицинским причинам, скажите сейчас.

Никто не сказал.

Геннадий Павлович сел впереди и начал расспрашивать водителя о мощности двигателя. Светлана пожаловалась по-

друге, что хороший тур не должен требовать от клиента понимания логистики. Я согласилась с ней мысленно. Клиенту действительно не нужно разбираться, почему машина не приехала. Ему нужны честное сообщение, безопасная замена и понятная компенсация.

День прошел без новых сбоев. Мы успели на экскурсию, пообедали позже, но в полном составе, и к вечеру прибыли к точке, где нас ждал Олег. Чемоданы уже лежали в машине, пломба багажного отсека не была повреждена.

Однако сохранить основные пункты программы удалось не автоматически. У первой площадки администратор предупредила, что экскурсовод уйдет в двенадцать тридцать и ждать опоздавшую группу не сможет. По исходному плану мы должны были приехать в одиннадцать сорок, по новому выходило почти в час.

Михаил не просил сотрудницу задержаться бесплатно. Он позвонил в мастерскую, перенес их посещение на время обеда и заказал для группы упакованные ланчи. Затем договорился, что музейный экскурсовод примет нас на сорок минут позже за отдельную оплату. Полина внесла изменения в общий чат, отметив, где можно будет получить горячий чай.

— То есть мы будем есть в машине? — спросила Светлана.

— На площадке у мастерской есть закрытая веранда, — ответил Михаил. — Обед короче на двадцать минут. Основная экскурсия остается полностью.

— А если кто-то хочет нормальный ресторан?

— В городе будет сорок минут после музея. Можно по-есть там и отказаться от мастерской. Полина даст адреса и отметит время сбора.

Светлана выбрала мастерскую вместе со всеми. На веранде оказалось прохладно, зато горячий чай действительно был. Геннадий Павлович проверил состав ланча и сообщил, что не ест горчицу. Полина обменяла его упаковку на запасную без комментария о том, что ограничения следовало указать в анкете.

Я видела, сколько мелких решений понадобилось, чтобы фраза «основная программа сохранена» стала правдой: согласие трех подрядчиков, доплата, новый порядок посещений, еда и обновленные списки. Туристы замечали в основном перенос. Так и должна была выглядеть работа организатора, пока она выполнялась хорошо.

В мастерской Михаил не заходил в зал первые двадцать минут. Он сидел у входа с договором нового перевозчика и актом неподачи прежней машины. Олег прислал фотографию пломбы багажного отсека и время прибытия в точку встречи. Полина собрала чеки за ланчи.

— Вы точно в отпуске? — спросила Зоя, заметив, куда я смотрю.

— Учусь видеть работу и не выполнять ее.

— Сложная программа.

— Пока без доплаты.

Когда Михаил наконец вошел, экскурсия уже заканчивалась. Он не стал просить повторить пропущенное. Проверил число участников и первым пошел к машине, чтобы успеть на следующий участок.

У последней площадки Михаил собрал группу.

— Из-за утренней задержки компания вернет каждому стоимость сокращенного свободного времени по расчету программы. Сумма и порядок придут на почту завтра. Отдельно благодарю Елену Викторовну за помощь в проверке документов транспорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.